

A painting of a serene landscape. In the foreground, there are reeds with green and yellow leaves, partially submerged in the water. The water is a deep blue with visible brushstrokes. In the middle ground, a small white pavilion with a domed roof sits on a sandy shore. Behind it is a dense forest of green trees. The background shows rolling hills under a sky with soft, colorful clouds in shades of blue, green, and purple.

МАРИНА ЗАЙЦЕВА (ГОЛЬБЕРГ)

...И блаженный вдохновенья миг

Марина Зайцева (Гольберг)

**...И блаженный
вдохновенья миг**

«Литературная Республика»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Зайцева (Гольберг) М.

...И блаженный вдохновенья миг / М. Зайцева
(Гольберг) — «Литературная Республика», 2017

ISBN 978-5-7949-0592-2

Вашему вниманию представляется сборник стихов Марины
Зайцевой.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7949-0592-2

© Зайцева (Гольберг) М., 2017
© Литературная Республика, 2017

Содержание

Поэт	6
Летописцы	7
Певцы безвестных лагун	8
Автобиография	10
«Чёрная тушь иероглифов ветвей...»	11
«Новогодний вскипает снег...»	12
Начало	13
6 июня 1799 года	14
Забег в бессмертие	15
Болдинская осень	16
Ночной возок	17
Банка и амфора	18
1	18
2	19
«Запел тростник у излучины реки...»	20
«Когда царят гиперболы химер...»	21
«Любимый мой!..»	22
«Опять нас манят горизонты...»	23
«Минуты странного смятения...»	24
Саврасов	25
Ваятель	26
«Леса и заросли травы...»	27
Июль на Сахалине	28
Гавот в Керчи	29
Попытка молитвы	30
«Гляжу на белый лист...»	31
Лето	32
«Жёлтый лист...»	33
Читая Хармса	34
Поэтам 1930-х годов	35
«Когда однажды будешь ты готов...»	36
Последняя роль артиста	37
Бумаге	38
Памяти Андрея Вознесенского	39
«В этой жизни много ли нам надо...»	40
Домик Грина в Феодосии	41
Мне темно без тебя	42
«Весенний ветер играет фантазии...»	43
«Через собственную...»	44
«Не ревнуй ты меня к стихам...»	45
Почти булгаковский сюжет	46
Неволя	47
«Ночь к рассвету – сонно-тихая...»	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Марина Зайцева (Гольберг)

...И блаженный вдохновенья миг

© Зайцева (Гольберг) М., 2017

© Московская городская организация Союза писателей России, 2017

© НП «Литературная Республика», 2017

Поэт

Астроном изучает звёзды.
На пленэре художник дышит.
А поэт, погружившись в грёзы,
Неземные пространства слышит.
По прописке своей – небожитель,
Он родня душе океанской.
Лунных тайн и снов повелитель,
Изгибает, шутя, пространства,
Им диктует свои законы,
И рукой своей прихотливо
Направляет орбиты и трассы,
Изменяет млечные реки,
Измеряет аршином парсеки.
Ему ведомы стихи и стихии.
Держит он под уздцы Пегаса.
Неизменный кормчий у Музы —
У суровой взбалмошной бабы,
Испытавший горнило и трубы,
Разорвать с ней не в силах узы.
У него на штурвале не румбы, —
А дактили, анапесты и ямбы.

Летописцы

Летописцы, иноки – поэты! —
Канувшие в сумрачных веках,
Кропотливо старины заветы
Собирали в кельях и скитах.
Под лампадой тусклой, под лучиной,
От земных страстей и гроз вдали,
Сказы и преданья, и былины
В книги рукописные текли.
И – то «сизым соколом, то волком» —
Мысли вдохновенно в тишине
Устремлялись вольно к звёздам колким
Иль сторожко стлались по стерне.
Брани зачинались и кипели,
Русичей – рекою! – кровь текла.
А в руках без устали скрипели
Летописцев лёгкие стила.
Подвиги и жизнеописанья,
Тяжело, как в бурю корабли, —
Нас любовью к Отчине спасая, —
Сквозь столетья плыли и брели...
Эти древних гениев творенья
Сберегали на краю не раз
От погибели и от забвенья —
И в Один Народ собрали нас.

Певцы безвестных лагун

Поэзия малоизвестных
провинциальных поэтов —
это грустная песня одинокой
морской раковины.
Её несостоявшийся удел —
быть арфой.
Но арфы живут и поют на суше.
Раковина на суше —
задохнётся и... её не станет.
Лирики,
символисты или романтики —
забытые дети в роддоме
перестроек и перемен.
Но, воистину, поэты —
вне эпох и времён.
Хотя – нет...
Все они – дети своего
времени-безвременья,
составной части
вечности-забвения.
Это у жизни есть срок.
У Вечности его нет.
И гудят-поют неслышно
сквозь времена
в неизвестных лагунах и заливах
морские раковины,
совсем не думая о том,
кому сегодня принадлежит эпоха:
классицизму, символизму
или постмодернизму.
Это рыбе-прилипале есть резон
присосаться в днищу
корабля-эпохи
в тщеславной и призрачной надежде
выжить, если не на вечность,
то хотя бы – на время.
Грустная моя раковина,
лежащая на дне морском,
в клубке спутанных водорослей.
И поющая сама по себе —
без надежды
быть услышанной кем-нибудь.
Счастлив тот,
кто на полосе отлива
в клубке водорослей

отыщет эту раковину
и, не очистив
от песка и наростов,
прижмёт её к своему уху —
и услышит вечную
негромкую, глухую —
щемящую песню моря.
Песню вдохновения и одиночества.
Мудрости и грусти.
И непостижимости
творческой судьбы.
Раковины и звёзды
Безвестных заливов и лагун —
моря без вас были бы
пустынны и безмолвны.

Автобиография

Я – язычница!
Я – стихия!
И стихи мои —
Из стихии!

Я – ручей.
Я – журавль.
Я – рябина.
Целым сонмом богов
Хранима.

Я из солнца,
Из ветра,
И звезд —
Вдруг восставшая
В полный рост.

«Чёрная тушь иероглифов ветвей...»

Чёрная тушь иероглифов ветвей
Смешалась с зелёной гуашью листвы.
Май написал гимн весне
На синей бумаге неба.

«Новогодний вскипает снег...»

Новогодний вскипает снег
И клубится метели дым.
Я ворвусь в двадцать первый век,
Чтобы фору дать молодым.

А двадцатый – был мой задел,
Лишь программа и черновик.
Двадцать первый – он не предел
Для написанных мною книг.

Тот – останется для меня
Половинкой моей судьбы.
Этот – стременем лёгким звеня,
Вверх рванётся, став на дыбы.

И разыграют стихия и страсть,
И весёлый ребяческий страх.
Мне судьба – в гонке бешеной пасть
С недопетым стихом на устах.

Начало

Закуржавленная шапка
На разумной голове.
Да за пазухою шаньга.
Да жар-птица в рукаве.

А пурга хвостиком лисьим
Перемётывала путь.
Брёл вперёд он, зубы стиснув.
Знал: назад не повернуть.

Поспешая за обозом,
Даль заснеженной тропы
Мерил отрок Ломоносов —
Шёл на звонкий зов судьбы.

6 июня 1799 года

Сквозняки июнь листают,
Непогодою знобят,
Сухо молнии блистают,
Тучи ливнями грозят.

Соловьику на опушке
Изождался соловей.
В этот день родился Пушкин
В тихой вотчине своей.

Народился у дворянки,
Бают, крошечный урод:
Хилый, черный. Няньки-мамки
Воют, крестится народ...

Здесь такого не бывало
(Чур нас всех! И пронеси!)
Весь в арапа Ганнибала —
Нестандартный для Руси.

А виновник этих слухов
В колыбельке почивал —
И о них ни сном ни духом
Даже не подозревал...

Но промчится тройкой с гиком
Время. Лирой зазвенит
Самый русский, смуглый ликом, —
Богом избранный Пиит.

Забег в бессмертие

37 ему судьбой отпущены —
чтоб среди Бессмертных
равным стать,
поступить в Лицей,
сдружиться с Пуциным
и коня крылатого взнуздать,
в Керн влюбиться,
к Натали посвататься,
в Таврию на тройке укатить
и, отрекшись (миф живуч!)
от авторства,
«Горбунка» мальчишке подарить...
Наскандалить,
свет сразить «Онегиным»,
четверых наследников родить,
у царя, рискуя стать отверженным,
за «сенатцев» милости просить,
повенчаться с болдинскою осенью
и коснуться дланью Божьих век.
И январской
предвечерней просинью
вдруг прервать
свой спринтерский забег?!

Болдинская осень

Когда наступит «болдинская осень —
Не прогляди её за листопадом.
И между трёх вечнозелёных сосен
Не заблудись: она притихла рядом.

Промчалось лето. Птицы сбились в стаи.
Прилёт с отлётом их не перепутай.
Пропустишь —
и уже не наверстаешь
Их – славы посулившие минуты.

...Едва ли думал об её значенье, —
Когда смятенно, в творческом порыве,
Он грыз перо гусиное в волненье,
Черновики черкал нетерпеливо.

И грыз перо. И рвал бумагу в клочья.
И на сорочку брызгали чернила...
Всё на бессмертье обречённым было, —
Что в Болдине писал он днём и ночью

Ночной возок

Как вдовы, вьюги голосили
Во всю полей российских ширь —
То жертву тайно увозили
Для погребенья в монастырь.

В простом гробу,
В санях казённых
Он покидал постылый «свет».
Дворовым псом за ним позёмка,
Скуля, зализывала след.

И кони с храпом уносили
Возок печальный в мрак полей.
Как будто боль и скорбь России
Спешили спрятать поскорей.

Банка и амфора

1

Вот – стеклянная банка.
Кругла, толста и чиста.
Её назначение – просто:
Воду пить, огурцы солить.
А можно поставить цветы.
Она безыскусственна.
Вся открыта и доступна
И прозрачна на просвет.
В ней ни мифа, ни секрета,
Ни таинственности нет.

2

А вот греческая амфора.
Многозначна, как метафора, —
Что на дне морском лежала
Много-много тысяч лет.
Заросла она кораллами,
Водорослями и ракушками.
В её узкой горловине
И просвета даже нет.
Но всех манит её тайна,
Миф, загадка и секрет.

«Запел тростник у излучины реки...»

Запел тростник у излучины реки.
Вдохновение провело смычком
По душе поэта.

«Когда царят гиперболы химер...»

Когда царят гиперболы химер
В калейдоскопах вздыбленных метафор,
Гекзаметра пространственный размер
С октавами вибрирующих амфор,
Гудящих в связках-струнах узких горл,
Вселенная над всем парит царицей,
Над арфами причудливыми гор
Зефир вечерний медленно струится.
Бурлит, вскипая, Млечный водопад,
Срывая пену звёзд с орбит обычных.
На моцион ночной в эдемский сад
Лилит выходит без одежд привычных.

«ЛЮБИМЫЙ МОЙ!..»

Любимый мой!
Опять грядёт тайфун.
Мне снова грезить под дождём
О встрече.
И снова переделывать строфу —
В который раз, —
А воробьи на вече,
Как прежде, под стрехою собрались,
Кричат, галдят, чего-то там решают.
Туч баррикады перекрыли высь
И новыми ненастями страшат.
Опять во всю Вселенную звучит
Орган
Моей неистойвой печали.
Любимый мой!
Я, как звезда в ночи —
Тянусь к тебе издалека лучами.

Ты притяженья не лишай
Звезду —
Не допусти нечаянно
Беду.

«Опять нас манят горизонты...»

Опять нас манят горизонты —
Сильней, чем в юности,
Стократ.
Стихи
Похожи на экспромты —
Как ледоход,
Как звездопад.

«Минуты странного смятения...»

Минуты
странного смятения
Необъяснимы,
словно сны, —
Когда тебя
тоска осенняя
Застигнет вдруг
в разгар весны.
Накроет,
словно ночь бездонная,
В ней – ни просвета,
ни звезды.
И тьма в лицо дохнёт
бездомная
Неясным призраком
беды.
Душа потерянная
мается,
Постылым кажется
бытьё.
Тогда чужое
не читается...
Тогда не пишется
своё.

Саврасов

Копировать – какой уж раз... устала
Дрожащая художника рука.
В промозглость и заплёванность подвала
Опять весна смотрела со станка.

Как высоко оттаявшее небо!
(Он глухо кашлял в гробовой ночи,
А на столе – стакан да корка хлеба...),
А там – хлопочут первые грачи.

Свернул в рулончик холстик сыроватый,
Творение недорого ценя,
И снёс его на рынок виновато,
Чтоб, не торгуясь, сбыть за штоф вина.

А над Москвой стояла злая стужа.
В лицо ему летел колючий снег.
Певец земли, забытый и ненужный,
Мечтал светло и горько о Весне.

Ваятель

Месит Ваятель глину.
Травы сменяют снег...
Эпохи тянутся длинно.
Жизни – короток век.

Лоб обвяжет тесёмкой.
Рукава засучит...
Круг гончарный негромко
На стыках судьбы стучит.

Месит. И что-то лепит он.
Потом кидает в огонь.
И вот уже – резв и трепетен —
Рвётся на волю конь!

Молодка ли в танце стремительном
Всех закружила, смеясь...
Дедок ли с трубкой курительной
Глядит с хитрецей на нас...

Толстый ли кот-забияка
Лихо топорщит усы...
Плывёт ли «парад Зодиака»:
Рак, Водолей, Весы...

То ли творит он вазу,
То ли простой горшок, —
С ним потягаться разве
В силах один лишь Бог!

Глаз не отвести от радостной
Наполненности естества.
И за века не разгадана
Тайна его Мастерства.

«Леса и заросли травы...»

Леса и заросли травы
Ветра осенние качают.
И без тепла и без любви
Не только псы вокруг дичают.
Не только псы или коты
По свету бродят одиноко.
Я – как они.
Ну где же ты?
Ну где ты далеко-далёко?
Я одичала от тоски,
От одиночества, от хлада.
Ложится иней на виски.
Не надо, милый мой!
Не надо!
Согрей дыханьем этот дом —
Он тоже одичал, бедняга.
Ты вечность с лишком
Не был в нём.
Истлела на столе бумага.
И не на чем писать стихи —
Без дела пальцы одичали.
А ночи немые и глухи.
А помнишь,
Как они
Звучали?!

Июль на Сахалине

Е. Д. Лебкову

Вновь ушло Куросио
(Некрасивый обман!)
Растрепал чуб свой сивый
По распадкам туман.

Птичье пение глохнет —
Норд ознобно дохнул.
В день бельё не просохнет —
А в разгаре июль.

Коченею тихонько —
Вся в тоске по теплу.
Ветер в щёлочке тонко —
Как ножом по стеклу.

Над стихами бессильно
Бьюсь я ночи и дни...
Возвратись Куросио —
И мне лето верни!

Гавот в Керчи

Из радиорубки гавот
Средь ночи июльской плывёт
На влажный бетонный причал,
В открытые окна керчан.

Корабль – морской пилигрим.
Не Грей ли командует им?!
Пластинку с гавотом, ей-ей,
Завёл он в каюте своей.

Кому так пластинка поёт?
Кому адресован гавот?
Хотела бы я, чтоб ко мне
Он плыл без конца по волне!

Я слышу: гремят якоря.
Два топовых, слабо горя,
В ночи растворятся вот-вот,
И чудо растает – гавот.

Попытка молитвы

Не дай мне, Бог,
Жестоко пожалеть, что всё вернется
На своя же круги.
Не дай от жгучей зависти сгореть
К счастливой и удачливой подруге.
Не допусти

Принять когда-нибудь
Предательский – из-за угла – удар мне.
И, чтоб пройдя почти в полжизни путь,
Понять:
Полжизни прожито бездарно.

Не дай, Господь,
Чтоб я в тенетах бед
Запуталась, как в паутине муха.
Но пусть надежды сладостный сонет
Коснётся угасающего слуха...

«Гляжу на белый лист...»

Гляжу на белый лист
Я с видом отрешённым.
Ещё он бел и чист,
Ещё не испещрённый

Он знаками словес
И кривописью строчек.
И нов ещё он весь —
И независим очень.

Лето

Сегодня художница-лето
В своих ты капризах вольна —
Оттенками серого цвета
Палитра сезона полна.

Свинцовая даль океана —
И в тон ему небо вполне.
И хмарь, и дожди, и туманы —
На каждом твоём полотне.

И в солнце утративши веру,
Здесь птицы почти не поют.
И блёклая зелень на сером —
Вполне экспрессивный этюд.

Причуды твоей не постигну.
Средь скучных бесцветных
пространств
Сама незамеченной сгину,
От серого мира устав.

«Жёлтый лист...»

Жёлтый лист
парит на вираже.
Золотой
разлит в пространстве
свет.
Сколько их описано уже —
Наступившей осени
примет...
Словно
табуны коней,
в аллюр,
Мчатся в хмуром небе облака.
На застывшей луже —
кракелюр:
Проба
озорного каблука.
Осень...
Тема,
пусть как мир,
стара —
Тиком
на виске
забьётся нерв...
Слов знакомых
вечная игра.
Но
случится, может быть,
шедевр.

Читая Хармса

Всё томлюсь.
Стремлюсь постигнуть
назначение звезды.
В небеса хочу
воздвигнуть
лестницу я
для ходьбы.
Для ходьбы —
нет, – для ползбы,
для наверхползательства,
до загадочной звезды
до-для прикасательства.
Ну и что,
что доберусь?
Ну и что,
что прикоснусь?
Ведь звезда
и есть звезда —
не про нашу суетность.
Говорю себе тогда:
«Да не лезь ты никуда!
И не ползай никуда.
Пусть себе
горит звезда.
Пусть сияет
в сумерках».

Поэтам 1930-х годов

На крыльях бешеных романтики
Судьбу вздымая на дыбы,
Неслись в грядущее, как всадники,
О время расшибая лбы.

И нож, и пули настигали вас:
В боях, порой – из-за угла.
И навсегда озёра ваших глаз
Метель эпохи замела.

Вы были в помыслах прекрасные —
Хуле и лжи наперекор.
Но мойры – судии пристрастные —
Свой подписали приговор.

И романтизм ваш был блистателен —
Свободы обagrён огнём.
Мои наивные мечтатели, —
Вы все испепелились в нём.

«Когда однажды будешь ты готов...»

В.П.

Когда однажды
будешь ты готов
Принять меня на равных
как поэта, —
Поговорим
на языке цветов,
Росы,
стрекоз,
дыхания
и света.
Учитель строгий,
непреклонный мой,
И жрец великих
творческих святилищ,
Как крыл полёт
роднит тебя со мной —
Ты в глубине моих зрачков
прочти лишь!
Слов, что туманят смысл,
я не скажу.
Ресницы, дрогнув,
выдадут в смятенье,
Всё, чем живу,
чем трепетно дышу,
Полёты в небеса.
И с них паденье.

Последняя роль артиста

Ты был любимцем полстраны.
Стал – государев муж.
Пусть не за тот взялся ты гуж —
В том нет ничьей вины.

Планида, рок или судьба —
Как их ни назови —
Подстерегли тайком тебя
В смертельном визави.

Двоим стал тесен автобан.
Слетел с берёзы лист.
Россия... Власть... Успех... Обман...
И ты – идеалист.

Правителя (чужую роль?)
Как мог – сыграл актёр.
Пал занавес. Печаль и боль.
И неуместен спор...

Гомер, а вместе с ним Шекспир,
Пусть отдыхают всласть.
Чумной барак. Кровавый пир.
«Онлайн». Россия... Власть...

Бумаге

Котелково пуста голова.
Чуть коснись – и она зазвенит.
Не стыкуются в строчки слова.
Да и мысли не рвутся в зенит.

О бумага! Чудной матерьял.
Всё ты стерпишь —
Так было всегда.
Тебе всякий в ночи доверял
Откровенья свои без стыда.

На душе —
Как вселенский погром.
Так стерпи ты и нынче меня.
Что не вырубится топором —
Станет лёгкой добычей огня.

Памяти Андрея Вознесенского

Дальше всё
от сует и зрелищ
И от всяческой мишуры.
Да куда ж вы,
Андрей Андреич, —
Ну в какие
Антимиры?!
С соловьём —
переделкинской птахой,
Повезло перезимовать.
И вдруг —
в Лету-реку с размаху!
Как прикажете
понимать?!
Жизнь —
не более чем метафора —
Эфемерней,
чем звука тень,
Эфемерней,
чем критская амфора,
В прах рассыплется —
чуть задень.
Вас помянет
Политехнический,
Дерзкий мальчик,
маститый поэт.
Гаснет бренности
свет электрический.
Загорается
Вечности Свет.

«В этой жизни много ли нам надо...»

Галине

В этой жизни много ли нам надо:
Карандаш, бумагу да ночник.
Звёзды в небе. Ветерок из сада.
Да блаженный вдохновенья миг.

Домик Грина в Феодосии

Словно бриг,
Сойдя с морских дорог,
Дом среди акаций пенных
Замер.
Здесь творил,
Сутул и одинок,
Сказочник
С печальными глазами.
По ночам
Из моря в тишине
Вызывал он
Чудные виденья.
И за ним
Бежали по волне
Былей феерические тени.
Этот жизни пасынок седой,
Самый бедный в мире
Неудачник
Был владельцем
Цепи золотой
С бригом алопарусным
В придачу!
Он —
Мечты бессменный капитан —
Взял на абордаж
Сердца мальчишек.
Пахнет морем
Старенький секстан.
Пахнет ветром
Флюгерок на крыше.
Времени оплывшая свеча
Тихо угасает над страницей.
Дому-бригантине по ночам
Капитан его поныне снится.

Мне темно без тебя

Засыпаю с трудом.
Задыхаюсь в удушливой памяти.
Новый выстрою дом
На высоком – над морем —
Фундаменте.
И письмо напишу.
И отправлю в бутылке по волнам.
В темноте я дышу
В этой комнате, призраков полной.
В темноте я ловлю
Призрак тёмный за тёмную лапку.
Как тебя я люблю!
Темноту загребаю в охапку...
День ребёнком ли смотрит в окно,
Ночь ли воет волчицей —
Без тебя мне темно!
И всё ноет
Под левой ключицей.
Новый выстрою дом.
Что мне делать одной в нём —
Не знаю...
Засыпаю с трудом.
Без тебя столько лет засыпаю.
Мне за что эта боль
(Расплачусь ли когда-то с грехами...) —
Вечно грезить тобой?!
Заслоняюсь от боли стихами.

«Весенний ветер играет фантазии...»

Весенний ветер играет фантазии
На моей тростниковой свирели —
Я лишь легонько прикасаюсь к ней
Счастливыми губами.

«Через собственную...»

Через собственную
беспомощную
Немоту и глухоту
Тщетно пытаюсь проникнуть
В тайну тончайшей гармонии
Звучания медоносных тычинок,
Куда пчела
легко и непринуждённо
Вонзает свой хоботок,
Нимало не озаботившись
терзаниями поэта.

«Не ревнуй ты меня к стихам...»

Не ревнуй ты меня к стихам —
Как к назойливым женихам.
Недовольно под нос ворча,
Не ревнуй ты меня к ночам.

И к бессоннице – ранней весной.
К злой хандре. И к тропе лесной.
Ты в сомненьях. Но знаю я:
Я до капельки – вся твоя.

Пусть я в грёзах порой далеко
От тебя – за веками веков.
Хоть порою грустит в крови
Аладдиновый джин любви.

– Ах, лирический мой герой?..
Вздор... Но я за него – горой!

Почти булгаковский сюжет

Было диво:
Сон или виденье
В сумрака тумане голубом.
И мелькали,
И кружились тени,
И врывались
В тёмный мрачный дом.
За полночь
Петух прокукарекал.
И на шабаш
Ведьмы собрались.
Блеяла овца...
Козлёнок мекал...
Звезды
На Галактике паслись.
Маргарита
Мастера искала,
По небу
Сомнамбулой бродя.
И ей Воланд вслед
Глядел устало
Через сетку
Снега и дождя.
По-французски
Тявкала собака.
Подвывал ей
По-английски кот.
Над землёй
Под сенью
Зодиака
Восходил незримо
Новый год.

Неволя

Моя душа, как сундук,
Запертая на замок.
А в ней копошатся стихи —
В душной таятся неволе
И в узкие щёлки глядят.
А кто-то куда-то ушёл
И ключ в кулаке унёс...
Найдите его поскорее
И ключ у него отберите —
Откройте душный замок.
И выпустите на волю
Пленников-птиц – стихи.

«Ночь к рассвету – сонно-тихая...»

Ночь к рассвету – сонно-тихая,
Как колодезь, глубока.
Мирозданья стрелки тикают.
Катит Вечности река.

Над селеньем фронтом строится
С гулким рокотом гроза.
Мне июньская бессонница

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.